

По мнению Д.Е. Афиногенова, Мефодий сам был главным зачинщиком “великой чистки”, но постарался представить ее так, чтобы она выглядела его “уступкой православному общественному мнению” (с. 93). Однако приводимые историком сообщения источников скорее позволяют вообразить другую картину происшедшего: патриарх действительно колебался перед принятием столь крутого решения и пошел на него, лишь убедившись в поддержке со стороны пользующегося уважением монашества. Уже позже, как справедливо полагает историк, монах Савва задним числом изобразил в Житии Мефодия вопрос “чистки” главным предметом споров между студитами и патриархом (с. 95–96). В этом случае находят иное объяснение и слова Мефодия в письме его иерусалимскому собрату о нераскаянности бывших иконоборцев как главной причине их низложения: ссылка на совет известных в Константинополе (но не в Палестине) современных подвижников выглядела бы не очень убедительным оправданием его действий, заметно разнящихся от поведения в по-

добном же положении св. Тарасия. Не рассматривая такую возможность, ученый принимается за опровержение других толкований случившегося, согласно которым наказание низложением было мерой, “навязанной” Мефодию монахами или императрицей (с. 92–93).

Возможно, рассуждения историка выглядели бы более обоснованными, если бы он уделил в своей работе особое место обзору источников и не делал бы их чтение “между строк” одним из главных приемов своего исследования. Привести же действительно надежные и бесспорные доказательства усиления патриархата внутри Церкви (перед лицом студитов в первую очередь) и в отношениях со светской властью в 784–847 гг. ученому в конечном счете вряд ли удалось. Анафема императорам-ересиархам так и не была объявлена, и православные патриархи Константинополя вместе со своими сторонниками выглядели в целом скорее до странного мало озабоченными особым “политическим” происхождением иконоборчества.

А.В. Бармин

С о р о ч а н С.Б. Византия IV–IX вв.: этюды рынка. Структура механизмов обмена. Харьков: Бизнес-Информ, 1998. 452 с.

Монография украинского археолога и историка-византиниста С.Б. Сорочана написана в традициях “новой исторической науки” (связь с которой декларируют неперемные ссылки на классический труд Фернана Броделя) и, надо признать, удачно сочетает с приемами этой научной школы опирающееся на обширный фактический материал письменных источников и археологических памятников описание инфраструктуры византийской торговли в “длительной временной протяженности” – в течение всего полутысячелетнего периода трансформации Восточной Римской империи в средневековую Византию.

Гл. I–II исследования объединяет тема социальной топографии ранневизантийского города. Первая посвящена

связи городской площади и рынка. Автор выходит далеко за рамки социально-топографических наблюдений и касается атмосферы, языка, социокультурных функций рыночной площади, претерпевшей значительные изменения от позднеримского к “классическому” византийскому времени. Сокращение ее территории в византийских городах, по мнению исследователя, было в основном связано с выходом на форумное пространство тесными крепостными стенами торгово-ремесленных рядов и городских кварталов. Описание кварталов – предмет второй главы, где С.Б. Сорочан делает важный вывод, что профессиональная однородность торговых рядов и ремесленного населения городских кварталов, хотя и поддерживалась фискальными и административными мерами, не была безусловным типо-

логическим отличием византийского города IV–IX вв.

На наш взгляд, особенно важное место в исследовании занимает гл. III, в которой автор с позиций “социальной экологии” повествует об эргастриях – наиболее устойчивой и массовой форме организации и размещения товарного ремесленного производства и рыночной торговли. Наблюдения над размерами, конструкцией, планировкой, интерьером, оборудованием, пространственным размещением эргастриев имеют большое значение для воссоздания общего совокупного облика ранне-средневекового византийского города в целом. Ценен в главе и материал о правовом статусе эргастриев и особенностях найма в них работников. В то же время безусловное отождествление нормативного акта, иногда действовавшего на протяжении нескольких веков, и реального положения дел, которому, как представляется, привержен С.Б. Сорочан, несколько снижает убедительность отдельных аспектов его реконструкции.

В гл. IV речь идет об уличной торговле и торговле в портиках. Здесь автору можно поставить в заслугу прежде всего установление взаимосвязей между уличной торговлей и остальными видами торговой деятельности и выявление динамики развития уличной торговли в рамках исследуемого периода. Дискуссионное толкование социального значения “торгового бума” на улицах ранне-византийских городов – ученый ставит под сомнение распространенный тезис о пауперизации городского населения в VI–VIII вв. – подкреплено специальным приложением (с. 368–427), где приводятся показательные подсчеты доходности различных видов торгово-ремесленной деятельности и делается вывод, что “большинство торгово-ремесленного населения ранне-средневековой Византии имело сравнительно невысокий доход, однако он был далек от беспросветной нищеты на грани полуголодного существования” (с. 403). Сознательно вместе с тем недостаточную репрезентативность привлекаемого для подсчетов материала, автор считает свою “па-

леоэкономическую модель” лишь одной из возможных гипотез.

Не вызывает сомнений необходимость в монографии гл. V, в которой описываются институты и порядки, обеспечивавшие пребывание в городе иногородних купцов. Ранняя Византия знала многочисленные формы таких институтов – гостиницы, постоянные дворы, странноприимные дома, частный постоя, строительство и наем иностранцами зданий и помещений, использовавшихся в торговых целях и т.п. Большая часть главы повествует о заведениях для временного пребывания, которые, по мнению автора, “при всей столь характерной для ромеев терминологической разногласии в их названиях” являлись “по сути одинаковыми заведениями” (с. 254). Здесь со стремлением исследователя свести многообразие форм к “идеальному типу” трудно согласиться ввиду очевидной разницы между благотворительным заведением (например, домом для умалишенных) и коммерческим предприятием.

Гл. VI обобщает наблюдения о местах складирования товаров, образовывавших целую «систему складского дела с четкой инфраструктурой, где выделяются верхние и нижние “этажи”» (с. 288). Ее частью была и так называемая митата – организация оптовой торговли, регламентируемая и контролируемая государством. Похвальное в целом стремление автора сделать научный экскурс читабельным литературным текстом побуждает его назвать гл. VII “Загадка митаты”, хотя речь по сути идет о многозначности самого термина и недостатке источников – вещах, настолько характерных для исследования проблем средневековой экономики, что “загадками” впору именовать почти все ее специфические институты.

Гл. VIII (с. 303–322) повествует о ярмарках – наиболее массовой форме организации торговли и едва ли не самом ярком феномене социальной жизни средневековья. Конспективный характер главы, кроме понятного каждому исследователю и нарастающего по мере написания книги желания поставить точку, можно оправдать, пожалуй, лишь

тем, что без экскурса о ярмарках работа о рынке и рыночной жизни не имела бы законченного вида, но детальный анализ феномена занял бы примерно такой же объем, как весь предыдущий материал. Поэтому С.Б. Сорочан предпочел сопроводить свои “Этюды” двумя дополнениями “квантитативного” характера – о величине предпринимательских доходов (его мы касались выше) и о численности населения византийских городов. График на с. 350 иллюстрирует главный вывод автора о постоянно высоком (около 20–25%) удельном весе городского населения империи на протяжении всего раннесредневекового периода. Самостоятельное исследовательское значение имеет и вынесенный в примечания пространный конкретно-исторический экскурс об истории Боспора-Керчи (с. 41–46).

Концептуально насыщенный “Эпilog” (с. 429–441) – одна из немногих частей работы, где автор концентрирует внимание на динамике развития византийской торговли от поздней античности к раннему средневековью. Такого рода раздел в определенном смысле “непривычен” в историографии: практически все социально-экономические штудии в недавнем прошлом были построены в сетке координат “подъем–упадок”, не оставляющей места для “нормального” состояния исследуемого объекта, тогда как у Сорочана именно этот (последний) аспект пронизывает всю книгу, в которой ведется последовательная дискуссия с концепцией, развитой в трудах Г.Л. Курбатова. Важный вывод украинского исследователя о том, что перемена качественных характеристик общественно-экономического строя в период перехода от античности к средневековью не обязательно была связана с разрушением веками складывавшихся рыночных институтов, подчеркивает эволюци-

онный характер развития ранней Византии, не нарушенный ни варварскими нашествиями, ни перестройкой политической системы.

В монографии С.Б. Сорочана в отличие от недавно защищенной им докторской диссертации, отсутствует глава, посвященная историографии и источникам, а также методологии исследования византийской экономики. Однако хотя бы один сюжет такого рода был бы в книге крайне необходим: следовало обосновать правомерность широкого использования автором сведений о византийском хозяйстве X–XV вв. без доисторической ретроспекции. В целом, тем не менее, внимательный читатель рецензируемого труда отметит эрудицию ученого, характерное для археолога-медиевиста чувство сопричастности исследуемой эпохе, отличное знание многоязычной литературы по истории Византии и сопредельных азиатских и европейских государств в раннее средневековье, собственные подходы к исследованию византийской и в целом средиземноморской торговли. С удовлетворением перевернув последнюю страницу книги, он найдет на ней план мест торговли в раннесредневековом Константинополе. Эта схема является своего рода заключительной “уловкой” автора, освоившего не только исследовательские методы мэтра Броделя, но и его приемы “игры” с читателем. Глядя на план и вспоминая прочитанное, невольно приходишь к выводу, что описания механизмов торговли, взятые из разных городов и из разных, порой весьма отдаленных эпох, создают не совсем точное представление о конкретном феномене, но яркий образ, имеющий такое же отношение к объекту, какое имел вневременной Царьград к реальной имперской столице.

Д.И. Польшанский